

Ганиева Э.С. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В АРАБОГРАФИЧНОЙ ГРАММАТИКЕ НАЧАЛА XX-века «Сарф-и тюркий»

Этот этап отмечен значительными работами в области исследования фонетического и грамматического строя тюркских языков. Появляется ряд учебных пособий по тюркским языкам, среди которых следует отметить изданную в 1809 году в типографии Казанского университета «Граматику татарского языка» (полное название – «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Императорской Казанской академии») известного востоковеда И. Хальфина [2, с. 23], «Граматику турецко-татарского языка» (Казань, 1839) А.К. Казем-бека, которая, как отмечает А. Н. Кононов, надолго стало основным учебным пособием для изучения турецкого языка, как в России, так и в Западной Европе [8, с.7] и др.

В истории Крыма конец 19 – начало 20 вв. можно назвать временем бурного развития крымскотатарского языка и культуры после окончания так называемого «кара асыр» (букв. 'черный век') – периода столетнего застоя. Данный этап совпадает с культурно-просветительской деятельностью газеты «Терджиман» («Переводчик») и ее редактора, одаренного писателя, новатора-реформатора в области образования И. Гаспринского. Известные просветители и педагоги этого времени (И. Гаспринский, позднее Я. Н. Байбуртлы, М. Абдулкадир, Ш. Бекторе и др.) пытались реформировать литературный крымскотатарский язык, приспособить арабский алфавит к тюркским языкам, сделать его более доступным пониманию широких народных масс.

Именно в это время во всем тюркском мире нашел широкое распространение новый звуковой метод преподавания. Данный метод заметно облегчал процесс обучения и потому привлек внимание многих прогрессивных ученых и методистов других регионов Российской империи. Среди последователей звукового метода был и известный татарский журналист и педагог Хади Максуди (Ахмедхад Низамутдинович Максудов), который на основе этого метода пишет труд «Первый учебник», ставший популярным учебником для изучения арабского языка во всем тюркском мире и выдержавший свыше 30-ти изданий [3].

В Крыму лидером и пропагандистом нового метода был горячий сторонник фонетического правописания И. Гаспринский [5, с. 240]. Редакцией газеты «Терджиман» был издан ряд грамматик, среди которых можно отметить «Къваид-и лисан-и тюркий» («Правила тюркского языка») М. Абдулкадира [1] и «Сарф-и тюркий» («Тюркская грамматика») [9]. Данные грамматики должны были существенно облегчить применение звуковых принципов обучения в национальных школах [5, с. 254].

Более внимательное изучение культурных процессов, происходивших в этот период, важно, на наш взгляд, еще и потому, что он предшествует периоду реформирования научной терминологии, графики и орфографии крымскотатарского языка в 20–30 гг. 20 века.

Просветительская и педагогическая деятельность редколлегии газеты «Терджиман» и его руководителя достаточно полно изучены и описаны в трудах таких ученых, как Л.И. Климович [7], И. Керимов [6], В. Ганкевич [5] и др. Однако лингвистические труды, напечатанные в этот период в газете «Терджиман», лингвистическое наследие самого И. Гаспринского до сих пор специально никем не изучены, хотя такое исследование необходимо как этап развития современной лингвистической мысли.

Целью нашей статьи является рассмотрение одного из трудов, изданных редакцией газеты «Терджиман», – грамматики родного языка «Сарф-и тюркий» («Тюркская грамматика»): анализ лингвистической терминологии, использованной автором, содержания и структуры данного учебного пособия, характера изложения материала.

«Сарф-и тюркий» напечатан в 1907 году в Бахчисарае, в издательстве газеты «Терджиман» объемом в 26 страниц. На титульном листе имеются необходимые выходные данные: название книги, дата и место издания, название издательства, но не указаны автор и адресат данного учебного пособия. В работе В. Ганкевича [5, с. 300] составителем данного пособия назван И. Гаспринский, но указан другой год издания. Считаем, что этот вопрос требует дополнительного изучения.

Следует отметить, что данная грамматика, как и другие арабографические труды этого периода, создавалась под влиянием грамматики арабского языка. Как известно, вплоть до начала 20-го века в тюркских грамматиках использовалась в основном заимствованная арабская терминология. К таким грамматикам относится и описываемый нами труд.¹

Лингвистические термины, использованные в пособии, в большинстве случаев являются заимствованиями из арабского языка. Следует отметить, что часть этих терминов, например, названия частей речи: *исим* 'имя существительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *замир* 'местоимение', *фииль* 'глагол' и др.) до сих пор используется в современном крымскотатарском языке и не воспринимается как иноязычное заимствование. Другая же часть терминов была изъята в начале 30-х годов, когда все дореволюционные грамматики были признаны устаревшими. В это время активно разрабатывались учебники нового образца, в которых арабизмы были заменены словами общетюркского происхождения или заимствованиями из русского языка и интернационализмами.

Термины, используемые в данном труде, по составу разделяются на однословные (*сарф* 'грамматика', *муфред* 'единственное число', *муджерред* 'абстрактный' и пр.) и термины-словосочетания: (*исм-и ишарет* 'указательное местоимение', *ахвал-и исм* 'падеж' и др.).

Следует отметить попытку автора анализируемого пособия использовать параллельно с арабскими терминами и термины с тюркскими компонентами, например: *заман-ы мазий* – *кечмиш олан заман* 'про-

¹ Для удобства анализа текст данной грамматики транслитерирован. Транслитерация выполнена аспирантом кафедры крымскотатарской и турецкой филологии Киримовым Т., за что автор статьи выражает ему благодарность.

шедшее время'; *заман-ы хал* – *шимдики булундыгымыз заман* 'настоящее время'; *заман-ы мустакъбель* – *келеджек заман* 'будущее время' [9, с. 17].

Используемые автором в качестве терминов некоторые османские словосочетания, построенные по правилам персидского языка, в современной крымскотатарской лингвистической терминологии заменены словосочетаниями, составленными по общетюркским грамматическим правилам: *исм-и хас* 'имя собственное' – *хас исим*; *сыфат-и аслие* 'качественное прилагательное' – *аслий сыфат*; *замир-и шахсы* 'личное местоимение' – *шахыс замири* и др.

Учебное пособие включает в себя сведения по фонетике, графике и грамматике тюркских языков. Теоретические положения сопровождаются иллюстрациями и материалом для практических работ, даны грамматические правила, охватывающие отдельные явления морфологии тюркских языков.

«Сарф-и тюркий» состоит из двух небольших по объему частей. В первой части, названной «Харф» («Буква») [9, с. 2-3], рассматриваются вопросы графики, излагаются правила письма арабскими буквами. Материал в этой части изложен в следующей последовательности: дано определение буквы, затем указано количество букв в тюркском алфавите (31 буква), приведен сам алфавит с примечаниями. Далее автор дает сведения о буквах, которые пишутся с последующими за ними другими знаками отдельно, и буквах, которые пишутся с последующими за ними знаками слитно. Заканчивается эта часть сведениями о диакритиках – специальных вспомогательных надстрочных и подстрочных знаках (*нареке*) – и буквах, которые в определенных комбинациях обозначали гласные звуки.¹

Используемые в этой части труда термины являются в основном однословными арабскими терминами: *сарф* 'грамматика', *харф* 'буква', *кясра* (диакритический знак, обозначающий краткий гласный звук [a]), *дамма* (диакритический знак, обозначающий краткий гласный звук [y]) и т. д. Из перечисленных арабизмов в современном крымскотатарском языке в качестве термина функционирует только фонетический вариант слова *харф* – *ариф* 'буква'. Термин *сарф* 'грамматика' используется в трудах крымскотатарских ученых до конца 20-х годов [4; 10]. В 30-40-ые гг. он был заменен термином *грамматика*. Большая часть указанных терминов перестала употребляться в современном крымскотатарском языкознании, так как обозначала грамматические категории, не выделяемые в современных грамматиках.

Вторая часть «Сарф-и тюркий» посвящена частям речи, их грамматическим категориям и словообразованию.

Автор данного пособия выделяет девять частей речи: *исим* 'имя существительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *замир* 'местоимение', *исм-и ишарет* 'указательное местоимение', *любхемат* 'вопросительное местоимение', *масдар* 'имя действия', *фишль* 'глагол', *фер-и фишль* 'отглагольное имя существительное, прилагательное, причастие', *эдеват* 'послелог, союз, частица, междометие'. Часть названий лексико-грамматических классов, используемых в данном труде (*исим*, *сыфат*, *замир*, *фишль*), функционирует в качестве терминов и в современной крымскотатарской лингвистике.

Описывая существительные, автор выделяет имена собственные и нарицательные, дает им определение, отмечает наличие у имени существительного грамматических категорий числа и падежа. После теоретических сведений о склонении существительных дается парадигма склонения двух имен существительных (*китан*, *адам*) и практическое задание для закрепления данной темы [9, с. 5].

При описании имени существительного использованы как однословные арабские термины (*муфред* 'единственное число', *джеми* 'множественное число'), и термины-словосочетания (*исм-и хас* 'имя собственное', *исм-и амм* 'имя нарицательное', *ахвал-и исм* 'падеж') [9, с. 3-5]. Автором выделены четыре падежа¹: *муджерред* 'абстрактный падеж', *мефьюлон бих* 'винительный падеж', *мефьюлон илейх* 'дательный падеж', *музафун илейх* 'родительный падеж'. В 30-е годы названия всех падежей были заменены словами с общетюркскими корнями: *мефьюлон бих* – *тюшюм келиши* 'винительный падеж', *мефьюлон илейх* – *догьрултув келиши* 'дательный падеж' и т. д. Термин *ахвал-и исм* 'состояние имени, падеж', являющийся арабской формой множественного числа, в грамматиках 30-40-ых гг. был заменен формой единственного числа этого слова *хал* (*ал*), а в лингвистических трудах послевоенного периода общетюркским словом – *келиш*.

В раздел об именах существительных включены и числительные. Автор выделяет четыре лексико-грамматических разряда имен числительных: 1) *адет-и аслие* 'количественное числительное', 2) *адет-и васфие* 'порядковое числительное', 3) *адет-и кесрие* 'дробное числительное', 4) *адет-и тевзише* 'разделительное числительное' [9, с. 7-8]. Описывая данную часть речи, автор в качестве термина использует словосочетание *исм-и адад* 'имя числительное', которое после 20-х годов был заменен общетюркским термином *сайы*.

Характеризуя имена прилагательные, автор дает определение данной части речи и выделяет два семантических разряда прилагательных: *сыфат-и аслие* 'прилагательное качественное' и *сыфат-и кыясие* 'прилагательные относительные' [9, с. 8]. Первое из данных словосочетаний в современном языке заменено вариантом, построенным по общетюркским грамматическим правилам: *аслий сыфат* 'прилагательное качественное', второе не используется

¹ Арабский алфавит содержит двадцать восемь графем, которые обозначают согласные звуки, причем три из них служат еще для передачи долгих гласных. Для обозначения кратких гласных в арабском алфавите нет специальных букв. В Коране, учебниках, а иногда и в поэзии для обеспечения правильного чтения краткие гласные обозначаются специальными знаками (*хареке*). (Б.З. Халидов, Учебник арабского языка. С 5, 19)

¹ В арабском языке есть три падежа: именительный, родительный и винительный. Основная масса имен склоняется по этим трем падежам

Среди относительных прилагательных, приведенных автором в качестве примера, встречаются как наречия (*русче, тюркче*), так и производные существительные с аффиксами - *джи*, - *джы* /- *чы*, - *чи*; - *ли*, - *лы* (*китапчы, сувджы, акъыллы*).

Автор отмечает наличие у имен прилагательных сравнительной (*гузель – гузельдже – гузельджерек*) и превосходной (*пек чиркин, чокъ сары, зяде сарармыш, пек яхшы*) степеней и усилительной формы (*даха гузельдир, энъ яхшысы, уп-узун, бем-безд* и т.д.) [9, с. 9].

Термин *замир* 'местоимение' в пособии используется в разных значениях: 1) местоимение; 2) аффиксы с грамматическим значением принадлежности, сказуемости, лица. [9, с.10-12]. В современном крымскотатарском языке за данным термином сохранилось лишь первое значение. Выделяя разряды местоимений по значению, автор использует следующие термины: 1) *замир-и шахсий* 'местоимение личное'; 2) *замир-и изафы* 'притяжательное местоимение'; 3) *замир-и насиби* 'аффиксы сказуемости'; 4) *замир-и фишлий* 'личные окончания глаголов'; 5) *замир-и фасфи* 'притяжательное местоимение с аффиксом *ки*'. Это в основном термины-словосочетания, построенные по правилам персидского языка. В грамматиках 30-40 гг. эти термины уже не используются.

В отдельную лексико-грамматическую группу вынесены указательные местоимения (*исм-и шиарет*), отмечаются семантические различия между ними: для указания на предметы, находящиеся в непосредственной близости, используется местоимение *бу* (этот), для указания на предметы, находящиеся на среднем от говорящего расстоянии, – местоимение *шу* (этот), для указания на предметы, находящиеся далеко, – местоимение *о* (тот) [9, с. 12].

Описывая разные группы местоимений, автор дает образцы склонения некоторых местоимений.

Значительное место в «Грамматике» автор отводит масдарам (именам действия) и глаголу. У глаголов автор, как и современные лингвисты, выделяет 3 категории времени: 1) прошедшее время; 2) настоящее время; 3) будущее время. В зависимости от структуры глаголы разделены на простые и сложные. В отличие от классификаций современных языковедов, в данном пособии у глагола выделяются восемь наклонений (в современном крымскотатарском языке пять наклонений). В работе широко представлены парадигмы спряжения глаголов всех наклонений: в положительном и отрицательном формах в единственном и множественном числе по трем лицам [9, с.17-24].

Рассматривая масдары, автор грамматики выделяет три вида данной грамматической категории: 1) имя действия, близкое к инфинитиву; 2) имя действия, образованное от имени существительного или прилагательного; 3) имя действия, выполняющее функцию прилагательного. В работе представлены масдары, образованные посредством словообразовательных аффиксов *-лыкъ / -лик* (*кельмеклик, алмакълыкъ*); *-ма / -ме* (*сатма, алма* и т.д.); *-ш* (*келиш, сатыш* и т. д.). В современном крымскотатарском языке данная категория слов выделена в особую группу глагола – *исмфишль* (имя действия).

Отмечает автор и наличие положительной (*масдар-ы мусбет: алмакъ, бермек*) и отрицательной (*масдар-ы менфий: алмамакъ, бермемек*) форм у имен действия. Следует заметить, что хотя автор не упоминает о сингармонизме, характерном для тюркских языков, он все же выделяет масдары с мягкой основой – *масдар-ы хафиф* (*кельмек, бильмек, сейлемек* и т. д.) и масдары с твердой основой – *масдар-ы сакъыль*: (*алмакъ, сатмакъ, язмакъ* и т. д.) [9, с.14].

Описывая категории глаголов и масдаров, автор в основном использует двусловные арабские термины-словосочетания: *фишль-и басит* 'простой глагол', *фишль-и муреккеп* 'сложный глагол', *масдар-ы мусбет* 'положительная форма имени действия' и т. д. Как отмечалось выше, наряду с заимствованными арабскими терминами, в работе используются термины с тюркскими компонентами: *кечмиш олан заман* 'прошедшее время'; *шимдики заман* 'настоящее время'; *келеджек заман* 'будущее время'.

«Грамматика» завершается описанием союзов, частиц, междометий, модальных слов, которые автор объединяет в одну группу, названную *эдеват* 'частицы'. В пособии также даются образцы морфологического разбора слов [9, с. 25–26].

Подводя итоги результатов проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. В данном учебном пособии, как и в других грамматиках этого времени, использовалась заимствованная из арабского языка терминология. Однако еще в начале 20-го века автор «Грамматики» делает попытку отойти от традиционной арабской терминологии и использовать в качестве терминов обще-тюркские слова.
2. Лингвистические труды, изданные в 19-м – начале 20-го века, являются важным источником для исследования истории развития крымскотатарского языкознания и потому заслуживают самого тщательного изучения.

Источники и литература

1. Абдулькадир М. Къваид-и лисан-и тюркий (Правила тюркского языка). – Бахчисарай, 1914. – 69 с.
2. Ахметгалеева Я. С. Грамматика татарского языка Ибрагима Хальфина // Советская тюркология. – 1979. – № 6. – С. 23–30.
3. Ахунов А. Хади Макъсуди – журналист и педагог // Татарстан. – 2003. – № 8. Электронный ресурс: http://www.Tatar_magazine.ru/index
4. Бекторе Ш. Татарджа сарф, наху. – Тогайкой: Татар окъув ишлери, 1923. – 110 с.
5. Ганкевич В. На службе правде и просвещению. – Симферополь: Доля, 2000. – 328 с.
6. Керимов И. А. Гаспринскийнинъ джанлы тарихи 1883 – 1914. – Симферополь: Тарпан, 1999. – 408 с.
7. Климович Л. На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете
8. «Терджиман» и ее издатель И. Гаспринском // Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы). Из наследия / Сост. Ю. Кандымов и др. – Симферополь: Таврия, 1991. – 64 с.
9. Кононов А.Н. В. В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. – Москва: Наука, 1972. – С. 7-15.

10. Сарф-и тюркий (Тюркская грамматика) – Бахчисарай: Изд-во типо-литографии газеты «Терджиман», 1907 г. – 26 с.
11. Чобан-заде Б. Къырымтатар ыльмий сарфы / Составители А. М. Эмирова, Н. С. Сейтягъев, под общей ред. А. М. Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.

Джапарова Э.К.

К ВОПРОСУ О МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ РОБЕРТА ГРЕЙВСА.

Возродившийся интерес к мифу и аспектам мифа на современном этапе развития гуманитарной мысли показывает необходимость дифференцированного изучения творчества писателей и поэтов, чье творчество мало исследовано в нашем литературоведении. В связи с этим изучение мифопоэтического мира Роберта Грейвса – поэта с мощным мифопоэтическим комплексом творчества позволит дополнить и научно осмыслить своеобразие его художественного мышления.

Значение оригинального использования мифа, как в поэзии, так и в критическом творчестве выдающегося английского литератора обогащает наше представление об особенностях и характере ориентации писателей и критиков в мифотворчестве.

Целью данной статьи является анализ творческого мировоззрения Роберта Грейвса – английского поэта-мифолога, прозаика, фольклориста, знатока античной и восточной мифологии и на примере его произведений проследить как развивается мифопоэтический язык писателя.

Новизна работы состоит в том, что выявление основных типов художественного мифологизма Роберта Грейвса с учетом своеобразия и функционирования этих типов на разных уровнях позволит обнаружить и продемонстрировать оригинальную систему художественного мировидения великого писателя, а также наметить новые перспективные пути изучения английской поэзии.

Практическое значение данной статьи заключается в том, что основные положения и выводы могут быть использованы в дальнейшей теоретической разработке различных форм художественного мифологизма в поэтических системах XXI века.

За время своей литературной деятельности Роберт Грейвс написал 146 книг разного жанра, включая поэзию, прозу, переводы и письма. Его перу принадлежат популярные в англоязычном мире произведения «Белая Богиня», «Мифы Древней Греции», «Иудейские мифы», «Я, Клавдий», «Божественный Клавдий», «Дочь Гомера», «Иллиада», «Золотое руно» и многие другие.

У себя на родине Роберт Грейвс, несмотря на многочисленные публикации и успех многих его книг, не сразу был признан выдающимся мастером слова.

Чем же обусловлено обращение Грейвса к мифу?

Создание мифа и изучение его рано начинают занимать Роберта Грейвса и проходят через всю его жизнь. Особенно его волнует тот факт, что мифы выходят из употребления.

В отличие от Т. Элиота, предпочитавшего использовать древний миф в современных трансформациях, Роберт Грейвс использует его с большей прямотой. Образы древней мифологии фигурируют в стихах поэта в их первоначальном виде. (Апполон, Артемида, Афродита, Венера, Гвион, Геракл, Даниил, Дафна, Дедал, Дионис, Зевс, Меркурий, Одиссей, Орфей, Прометей, Сириус и другие). Цитируемые им мифы относятся к тем районам, где они возникли. То, что Роберт Грейвс говорит о религии и ритуалах Средиземноморья относится к «дописьменному» периоду, и является предположением, а свою интуицию он считает «далеко не безошибочной», и поэтому он пишет, что будет «приветствовать того, чья догадка окажется более близкой к истине» [4, с. 14]

Грейвс отмечает, что «Подлинными мифические элементы, однако, могут встретиться даже там, где их меньше всего ожидаешь. Тем не менее, у одного автора очень редко удаётся обнаружить достаточно полную и хорошо иллюстрированную версию отдельного мифа» [4, с. 6] «Мой метод состоит в том, чтобы объединить в гармоничное целое разрозненные элементы каждого мифа с привлечением малоизвестных вариантов, проясняющих смысл мифа, и попутно ответить, в силу моих возможностей, на все возникающие в связи с этим вопросы» [4, с. 14]

Определение мифа Робертом Грейвсом тоже противоречиво.

В книге «Иудейские мифы» он пишет: «Мифы – это драматические сюжеты, которые представляют собой нечто вроде священной грамоты, отвергающей или одобряющей» [3, с. 5] и утверждает, что слово «миф» – греческого происхождения и соответственно «мифология» – греческая концепция и что большая часть греческого мифа представляет собой «политико – религиозную историю» древних институтов, обычаев, ритуалов, верований.

В «Иудейских мифах» Роберт Грейвс сравнивает греческие и иудейские мифы и делает вывод, что греческие мифы являются документами для Персея, Пелопса, и других, в то время как иудейские мифы – это национальные документы, которые «озабочены судьбой нации».

Само определение мифа тоже противоречиво у Роберта Грейвса. В «Иудейских мифах» он доказывает, что в «Книге Бытия» мифы имеют дело с богами и богинями и «участвуют в жизни людей, которые сбились с толку» и, в то же время утверждает, что боги и богини «играют и комедийные роли».

Для Грейвса мифология правдивее, истиннее истории, она сохраняет память древних ритуалов и построена на постоянных, регулярных повторах деятельности многих людей под воздействием глубоко эмоционального порыва. «То, что некоторые мифы оказываются на первый взгляд непонятными, часто результат случайно или сознательно неверной интерпретации мифографом священных изображений или драматических результатов» [4, с. 13]

Грейвс является первым мифокритиком, попытавшимся с помощью нового метода решить ряд кардинальных проблем поэзии. Это особенно примечательно в связи с тем, что мифокритика в целом сравните-